

«Откровенно говоря»...

В. РЕГИНИН

Рис. Бор. Ефимова

НА ПРЕМЬЕРЕ АРКАДИЯ РАЙКИНА в «ЭРМИТАЖЕ».

Я знал такой театр, на вывеске которого было написано самое короткое из всех существовавших в прошлом и известных в настоящее время названий: одна только буква «Я».

Смысл этого более чем лаконического названия заключался в том, что директором, режиссером, художником, актером и музыкантом театра было всего одно лицо. Этот необычайно выносливый человек, заполнявший своими разносторонними и разнохарактерными номерами всю вечернюю программу, играл на разных инструментах, пел, декламировал, показывал фокусы, танцевал, лицедействовал в маленьких пьесах, рассказывал с соответствующей мимикой комические анекдоты, кудахтал по-куриному, ловко менял голоса и парики и проделывал всевозможные кунштюки с дрессированным пуделем.

Это увеселительное зрелище свидетельствовало прежде всего о несомненных формальных достижениях исполнителя, но оно было лишено смыслового содержания: зритель видел перед собой отлично сложенный человеческий «аппарат», приспособленный для работы на эстраде, но холодный и к художественному замыслу безразличный, кого-то копирующий, кому-то подражающий, кого-то передразнивающий...

О таких ремесленниках сцены известный актер Ленский говорил, что они могут поощрить зрителя к присутствию ему и без того привычке «смеяться над кривым ртом человека, не замечая его кривой души...»

Аркадий Райкин, художественный руководитель Ленинградского театра эстрады и миниатюр, гастролирующий ныне в московском «Эрмитаже», мог бы также по праву обозначить на афишах своего театра всеобъемлющее «Я», ибо все на этих подмостках отождествлено с художественным принципом Аркадия Райкина, все объединено и сосредоточено вокруг Райкина, но в то же время между его исполнением и ловкостью эстрадно-циркового «профессора трансформации» — дистанция огромного размера.

Аркадий Райкин всячески избегает традиционного трафарета этого жанра.

С пластичной подвижностью, легко и непринужденно артист переселяется в любую человеческую оболочку, отнюдь не ради пустого клоунского штукарства или трюкачества, а преимущественно для живой демонстрации остро сатирических портретов кое-каких наших случайных современников, с их человеческими слабостями, с неприглядными поступками, с гниловатой, мешанской моралью.

Стрелы его обличительного смеха настигают и больно царапают плутов, сплетников, болтунов, жуликов, проныр и всякую обывательскую мелюзгу. Он тонко подмечает и схватывает их типические черты, конкретизирует в ироническом рисунке уродливые образы и выразительно осмеивает не «кривой рот человека, а кривую душу...»

Его скупой характерный жест, картинные движения, комическая осанка, улыбающаяся походка, веселые интонации и профессионально наблюдательный глаз создают целый альбом неподражаемых юмористических острых карикатур и шаловливых шаржей.

Очень забавна сценка «Однажды вечером», в которой Райкин в условной обстановке и с невидимыми аксессуарами, виртуозно, один за всех действующих лиц разворачивает ряд бытовых эпизодов в лицах, выставляя на потеху бойкого и самодовольного болтуна-обывателя, сраженного собственным языком.

Непрерывно меняя обличье, он выводит в другой пьеске «Из окон дома» длинную вереницу всевозможных папаш, уродующих своими непродуманными воспитательно-педагогическими методами детское сознание.

Банальный текст интермедии «Два профиля» не помешал Аркадию Райкину вылепить смехотворные фигуры критика и режиссера.

Говорящий политический портрет «Некто из Токио» наполняет театральный зал волнами веселья.

Оглушительным смехом сопровождаются воинственные шутки артиста, разоблачающие некоторых корявых представителей зарубежной «дипломатической демократии».

Пусть иностранные корреспонденты, распространяющие инсинуации на русского человека и твердящие о его «загадочной душе», заглянут на страницы знакомого им писателя Достоевского:

«Если захотите рассмотреть русского человека и узнать его душу, то... смотрите его лучше, когда он смеется!»

Неудержимый смех нашего народа по адресу западных деляг многое им объяснит и о многом предупредит.

Некоторыми своими остро отточенными гранями эти международные сценки (текст В. Полякова) соприкасаются с находчивыми импровизациями Горбунова, показавшего в одном из своих рассказов питейное купеческое торжество в честь «наших заатлантических друзей».

«Господа американе,— теряя равновесие и удерживаемый соседями за фалды сюртука, обращался к купечеству с воззванием некий любитель заморского хереса.— Как теперича мы друзья,— коли будет приказание, при нашем капитале!— мост через Атлантический океан — в три дня! В лучшем виде! Господа американе, ура!»

История повторяется... Только сейчас уже они сами, господа американе, «при своем капитале» пытаются перебросить мост через «Атлантический» океан «в три дня, в лучшем виде».

Однако и «теперича» кто-то держит потерявших равновесие господ американ за раздвинутые фалды.

В несколько ином современном фельетонном стиле (монолог «Гостиница «Москва»») Аркадий Райкин с улыбкой напоминает тем же господам «американам», как шахматист Ботвинник, играя против американцев черными, наглядно доказал, что «черные ничем не хуже белых».

Следует упомянуть и о других участниках «райкинского» эстрадного театра: о талантливом дуэте Людмилы Лядовой и Нины Пантелеевой, которым все же необходимо задуматься над дальнейшим усовершенствованием и тематическим углублением своего песенного репертуара, об артистке Рома, с большим художественным тактом читающей монолог «Настоящее внимание» (забота о людях), и, наконец, о привлекательных и сильных акробатах Птицыной и Маслокове, со спокойной ясностью и нежной «робостью движений» показывающих чудеса акробатического искусства.

Но главным образом программа насыщена непрерывными выступлениями Аркадия Райкина. Усиленно угощая зрителей сочными плодами своего эстрадного мастерства, артист должен, однако, учесть ходячую истину:

— Один обед хорошо, два — много, а три — вредно!

Как ни утомителен Аркадий Райкин, но, откровенно говоря, и ему нужно знать меру!

Хорошего понемногу!